

АГАТА И СЫСК

АНТОН ЧИЖ

РУЛЕТКА
СУДЬБЫ

РОМАН

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Редактор серии *И. Ирмеш*

Дизайн обложки *Д. Васильченко*

Чиж, Антон.

Ч-59 Рулетка судьбы / Антон Чиж. — Москва : Эксмо, 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-04-201015-6

Январь 1894 года. В арбатской части Москвы в закрытом доме найдена мертвой богатая вдова. Умерла или убита? Вопрос, который скрывает ребус. Чтобы разгадать его, надо помнить: картинка ребуса имеет много смыслов. Чиновник московского сыска Алексей Пушкин и гениальная воровка Агата Керн вступают в большую игру, которая началась с давнего преступления. Им предстоит раскрыть тайну дома на Большой Молчановке, разгадать секрет подпольной рулетки и проникнуть в семейные тайны. Ставки чрезвычайно высоки. У страшной рулетки судьбы выиграть почти невозможно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-201015-6

© Чиж А., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ИХАРЕВ (*схватывается со стула и в волнении ходит по комнате*). Хитри после этого! Употребляй тонкость ума! Изощряй, взыскивай средства!.. Тут же под боком отыщется плут, который тебя переплутует... Только и лезет тому счастье, кто глуп, как бревно, ничего не смыслит, ни о чем не думает, ничего не делает, а играет только по грошу в бостон подержанными картами!

Гоголь Н. В. Игроки

От Рождества Христова	1894 год
От сотворения мира	7402 год
От основания русского государства	1032 год
От введения христианства в России	906 год
От начала Московского государства	567 год
От первого Земского собора в Москве	347 год
От вступления на престол дома Романовых	281 год
От рождения Петра Великого	222 год
От основания первой русской газеты	191 год
От смерти Петра Великого	169 год
От Екатерининской законодательной комиссии	127 год
От постройки первой железной дороги	56 год
От уничтожения крепостного права	33 год
От введения новых судов	30 год
От освобождения Болгарии	16 год
От вступления на престол Александра III	14 год

—• ZERO

Назревала катастрофа. Месье Клавель ощущал ее терпкое дыхание. Он так давно стоял за столом, что научился видеть скрытое движение игры. Не глазами, а сердцем видел он, как плетутся невидимые нити. Это видение, немного странное и сказочное, было секретом, о котором нельзя рассказать управляющему, чтобы не сочли за сумасшедшего и не прогнали вон.

Да, он видел скрытные токи игры, которые пульсировали вокруг стола. Игроки — слепцы, не видят этих нитей. Зато их видел месье Клавель. Они, как вены, по которым течет кровь игры, опутывали рулетку с игроками, чтобы удача не доставалась никому, разделившись между всеми и никем.

Игра вбирала в воронку зеленого сукна и надежды, и горе, и жизнь игроков. Игра была живым организмом, играющим с игроком, как кошка играет с мышонком. Игрок, доверчивое и слепое существо, шел на зов, попадая в сеть. Месье Клавель видел потому, что никогда не играл. Он был привратником, служа преданно и честно. За это хозяйка-игра приоткрыла ему завесу тайны. Так что ме-

сье Клавель мог порой предугадывать, что произойдет за столом в ближайшие удары, как называли ставки игроки.

Нынче крупье уже знал: случится нечто невозможное, чему он не мог ни помешать, ни противостоять. Потому что один игрок разорвал тайные нити. Сама игра сжалась, месье Клавель ощутил, как она испугана, его девочка, и замерла на зеленом сукне, на котором вытравлено золотом тридцать семь цифр.

Если крупье боялся разорения рулетки, то страх игры был иным. Он знал, чего испугалась она: нашелся некто, кто разгадал секрет — и теперь накинёт уздечку, будет управлять ею, непредсказуемой, по своему желанию. А она, обреченная, потеряет свободу.

Странные мысли крутились в голове месье Клавеля. А руки запускали шарик слоновой кости навстречу летящему кругу черных и красных цифр.

...Беду месье Клавель учуял с первой ставки, которую сделала барыня.

За годы, проведенные у стола, он научился считывать характер игрока. Одни слепо верили в удачу и делали ставки, почти не глядя. Другим хватало выдержки играть по системе: записывать, высчитывать, после чего делать удары. Некоторые держались несложных принципов: например, удваивать ставку на цвет. Одному из тысячи удавалось выиграть, и даже много выиграть. Кто-то приходил каждый день и был доволен тем, что регулярно уносил с рулетки десятков выигранных франков. Все они заканчивали одним: деньги возвращались в игру. Что было неизбежно.

Поведение пожилой дамы не вписывалось в рамки. С виду она была такой типичной московской *la babushka*, немного простоватой и вульгарной, на вкус месье Клавеля: домашняя прическа, рыхлая кожа лица, требующая ухода, коричневое платье немодного фасона и полное отсутствие украшений. Однако за простотой могло скрываться неплохое состояние. Именно у таких старух водились деньги, которые они желали приумножить игрой. Месье Клавель повидал подобных русских барынь в Висбадене и Монте-Карло. Они начинали бойко, даже выигрывали приличные суммы, но потом хотели еще и еще — и спускали выигрыш, а за ним все, что привозили с собой в кошельке. К досаде родственников, которые сильно рассчитывали на их деньги.

Вот только *la babushka* в коричневом вела себя непривычно. Встав у стола так, чтобы не мешать игрокам, следила за выпадавшими цифрами. Месье Клавель сразу заметил, что смотрит она совсем не как простодушный дилетант. Взгляд ее был взглядом хищника, поджидающего добычу. Ждала она долго, слишком долго для невинного любопытства. Месье Клавель знал, что некоторые игроки караулят *zero*, чтобы сразу сорвать приличный куш. Угадать, когда выпадает заветная цифра, не мог даже он. Неужели *la babushka* наслушалась сплетен про везение игроков, впервые попавших на рулетку? Месье Клавелю стало любопытно, что будет дальше.

Сыгран очередной кон. Шарик упал в лунку. Месье Клавель огласил: «Neuf, rouge, impair, manque!»¹, собрал

¹ Девять, красное, нечет, меньше половины (*фр.*).

лопаткой проигравшие ставки (игра шла только на живые деньги), расплатился за небольшие выигрыши на цвете. И, почти не думая, как автомат, сказал: «Faites le jeux, messieurs! Faites le jeux, messieurs!»¹

Местная публика относилась к рулетке как к новому аттракциону и развлечению. За пять дней не было больших, по мнению месье Клавеля, проигрышей. Пока рулетка приносила умеренный доход. Хотя ожидалось иное.

На сукно легло с полдюжины ставок. Ставили от силы десять рублей. Чаще всего три или пять, чтобы «взбодрить кровь игрой». Месье Клавель оценил, что общий доход от удара будет скромный. Как вдруг *la babushka*, он невольно закрепил за ней это прозвище, поставила сто рублей на зего. Месье Клавель не понимал по-русски, но без языка было ясно: пожилой даме знакомые ее, оказавшиеся в этот вечер за рулеткой, советовали не делать опрометчивую ставку. Шансы на выигрыш ничтожны, лучше поставить на цвет. Пожилая дама отмахнулась от советчиков. Ее право. Месье Клавель знал, что шансы дамы менее чем ничтожны: зего выпадало два удара назад, что делало проигрыш ста рублей делом решенным.

Глядя на ассигнацию на зего, солидный господин с большим животом, обтянутым золотой цепочкой, бросил на красное купюру в двадцать пять рублей.

¹ Делайте вашу ставку, господа! (*фр.*)

— А вот мы эдак шельму! — громогласно заявил он и оборотился к эффектной брюнетке с быстрыми глазками. Дама ответила милостивой улыбкой.

Перед открытием рулетки месье Клавеля предупредили, что подобные господа, *la marchands*¹, должны приносить основной доход, могут и должны проиграть много, очень много. С этим господином начало положено. Он традиционно спросил: «Никто больше не желает сделать ставку?» — и запустил шарик. Как только шарик потерял инерцию и был близок к падению на колесо, месье Клавель произнес: «Rien ne va plus!»², запрещая игрокам перемещать или менять на столе ставки.

Шарик упал. Случилось невозможное. Месье Клавель натянуто улыбнулся, провозгласив: «Zero, messieurs!», сгреб все ставки, включая ставку купца, и выплатил пожилой даме 3500 рублей, выигрыш для новой рулетки неприятный. Знакомые стали поздравлять даму и, кажется, просили одолжить с выигрыша. Она отмахнулась от них, как от надоедливых мух.

Вот в этот момент месье Клавель впервые ощутил недоброе предчувствие.

Он еще надеялся, что порядок не будет нарушен: сейчас дама отложит большую часть денег, они всегда так поступают, и метнет рублей двести-триста. Которые наверняка вернутся в банк. Эта гранд-мадам (месье Клавель невольно повысил ее в обращении) повела себя более чем

¹ Купцы (*фр.*).

² Больше ничего! (*фр.*)

странно: пропустила подряд три удара, только наблюдая. После чего, неизвестно по какой причине, поставила на douzaine P¹ всю сумму. Месье Клавель не имел права давать советы игрокам, но тут ему захотелось кричать: «Какую глупость совершаете, мадам!» Он всего лишь вежливо улыбнулся. Зато родственники гранд-мадам приложили все усилия отговорить от безумного поступка. Так было жалко им выигранных денег. Она строго прикрикнула.

Месье Клавель запустил колесо. Как только шарик понесся навстречу цифрам, он понял, что гранд-мадам выигрывает. Так и случилось. Под завистливые вздохи публики крупье отсчитал 7000 рублей. Куда вошли двести рублей месье с золотой цепью, которые он проиграл. Улыбка брюнетки скрасила ему горечь поражения. Купец только сильнее завелся.

Предчувствие беды стало слишком сильным. На таком выигрыше месье Клавель не имел права закрыть рулетку. Как бы ему того ни хотелось сделать. Игра должна продолжаться. Теперь гранд-мадам повела себя так, как не способна женщина, поймавшая удачу в игре: она стала пропускать удары, опять чего-то ожидая. Месье Клавель не мог разгадать, что за систему она применяет. Никакая известная ему стратегия игры не позволяла делать такие нелогичные и редкие ставки. Крупье окончательно убедился, что гранд-мадам совсем не так проста, как ка-

¹ Ставка на первую (обозначена внизу стола буквой P) «дюжину» номеров: от 1 до 12.

жется, после того как она поставила на *saige*¹ всю сумму (родственники чуть ли не на коленях умоляли не делать этого).

И выиграла.

Похолодевшими пальцами крупье отсчитал 60 000 рублей. Улетел весь банк рулетки за последние три дня...

Месье Клавель видывал удачу игроков. Иногда они выигрывали много франков, флоринов, луидоров, талеров, гульденов, фридрихсдоров и золотых гиней. Но никогда и никто не выигрывал так быстро и без видимой системы. Будто зная наперед, куда упадет шарик. После третьей ставки гранд-мадам им овладел настоящий страх: рулетка на грани разорения. Чего не могло быть никогда. Господа акционеры, вложившие свои капиталы в открытие надежного предприятия, спросят: «Как такое могло случиться? Где же барыши? Почему рулетка во всех странах приносит гарантированный доход, а в Москве — одни убытки?!» Что ответить ему? Он всего лишь бросает шарик и объявляет выигравшие номера.

У крупье оставалась последняя надежда: гранд-мадам заберет выигрыш и уйдет, чтобы вернуться завтра и проиграть его. Или он ничего не понимает в игроках. Когда же мадам сделала ставку 60 000 рублей на черное, он признал, что, видимо, не знает чего-то очень важного. Знакомые гранд-мадам уже не могли ни кричать, ни молить: они просто потеряли дар речи. Чудовищная сумма, на

¹ Ставка на четыре смежных номера, образующие каре. Выигрыш 1:8.

которую в Москве можно не один дом купить, поставлена на цвет. Гранд-мадам была спокойна. Как статуя в саду Тюильри.

Что оставалось месье Клавелю? Он запустил колесо. Объявив: «Rien ne va plus!», старался заметить, куда свалится шарик. И волновался, как обычный игрок. Немного помедлив, шарик свалился в лунку.

Семнадцать. Нечетное. Меньше половины... Черное.

В зале дрожала тишина. Дрогнувшим голосом месье Клавель сообщил, что мадам выиграла 120 000 рублей, рулетка на сегодня закрывается. Купец просадил тысячу, чем был сильно недоволен, а особо тем, что брюнетка исчезла. Но какое дело месье Клавелю до подобных мелочей. Он опустошил весь банк, чтобы рассчитать выигрыш.

Гранд-мадам повела себя возмутительно: сгребла ассигнации, засунула в объемный ридикюль и даже не наградила крупье за игру. Повернулась и просто ушла. За ней увязалась свора друзей.

Катастрофа случилась.

Завтра, нет, уже сегодня месье Клавелю предстоит давать отчет, как такое могло случиться. Отвечать ему будет попросту нечего. Крупье пребывал в глубоком отчаянии. И тут в памяти всплыл давний случай. Тридцать лет назад, когда он начинал младшим крупье, то есть собирал ставки игроков за большим столом Spielbank Wiesbaden¹, пришла барышня, довольно молодая, которая в четыре

¹ Игорный дом Висбадена (*фр.*).

ставки выиграла 140 000 франков¹. После чего навсегда исчезла из игорного зала. Месье Клавель уже не помнил, на что она ставила, но помнил другое: барышня была из России.

Воспоминания ничего не объясняли и не могли вернуть проигранных денег. Месье Клавель только подумал: у гранд-мадам стальной характер. Мало того что не побоялась поставить все, так еще и вышла в глухую зимнюю ночь с кучей денег. Наверняка ее ожидает карета.

Крупье выглянул в окно. Ночь была густа, но силуэт дамы, удалявшийся по переулку, он различил. Одна, без спутников. Шла ночью пешком. Какой же отчаянной храбростью обладает? Или это безрассудство? Он невольно признался себе, что, будь немного помоложе и расторопней, воспользовался бы шансом: хватит одного удара, чтобы вырвать ридикюль и скрыться в ночи... Говорят, в Москве за рубль могут зарезать...

Месье Клавель отогнал греховные мыслишки.

Или тех, кому благоволит удача, смерть обходит стороной?

¹ Примерно 50 000 рублей по курсу 1863 года.

—• СТАВКА ПЕРВАЯ: LA CARRÉ¹

• 1 •

Святки в Москве требуют не только железного здоровья, но и покорности судьбе. Который год начальник московской сыскной полиции Михаил Аркадьевич Эфенбах сначала ждал любимый праздник, а потом не мог дожждаться, когда же кончатся мучения. В праздничные дни Рождества, начиная с 25 декабря² (26-е и 27-е тоже неприсутственные³), Эфенбах не принадлежал себе и полицейской службе, а принадлежал целиком семье. Вернее, жене. Если совсем уж откровенно, ее родственникам. У дражайшей супруги имелся нескончаемый запас тетушек, дядюшек, племянников, племянниц, кузенов, кузин и прочих родственников, которых требовалось непременно навестить, поздравить и подарить подарочки. Ну как же без них!

Давно переехав из Петербурга, Эфенбах омосковился, что означало не только службу в московской полиции, но и женитьбу на московской барышне. Первые годы он

¹ Игра на четыре смежных номера, образующих вместе каре. Выигрыш 1: 8.

² По старому стилю.

³ Праздничные выходные.

никак не мог привыкнуть к ненормальному, с точки зрения петербуржца, и непомерному, с любой точки зрения, обилию родственников, которым надо отдавать визиты на главные праздники. Поначалу ему казалось, что Москва состоит из одних родственников или дальних родственников. Не говоря уже о знакомых. Эфенбах никак не мог понять: почему нельзя послать приятную открытку или посылного со скромным подарком, как это принято в столице, а надо непременно всей семьей с детьми тащиться из одного конца Москвы в другой с горой подарков. Чтобы сносить поцелуи, объятия и застолья у каждой тетушки.

Застолья были самым тяжким испытанием. Петербург воспитывает в чиновнике и человеке умеренность и строгость — в поступках, поведении и еде. Эфенбах не был исключением. Он долго не мог привыкнуть к тому, что люди, особенно пожилые тетушки, способны сидеть за столом, прогибающимся под горами жареного, копченого, вареного и соленого. И ведь не просто сидеть за культурной беседой. Нет! Наготовленное к праздникам потреблялось тетушками в непомерных количествах и запивалось огромным количеством домашних настоек тетушек, «особых» настоек тетушек, «заветных» настоек тетушек и, будь они неладны, «деревенских» настоек тетушек.

После третьего застолья за день Эфенбах уже плохо понимал, какую именно тетушку сжимает в жарких объятиях и желает счастья. И ему, и тетушкам было уже все равно. Настойки свое дело делали. Утонув в праздничной кутерьме, Эфенбах на следующее утро выныривал с чугунной головой, хоть ему обещали, что настойка

«чудодейственная», давал себе слово остаться дома, но мольбы жены призывали на новый подвиг. И на новых тетушек с новыми наливками. Каждый год он надеялся, что, встретив Рождество с семьей, избежит марашона визитов и наливок. В этом году праздники пошли по заведенному порядку.

Хоть Михаил Аркадьевич бурчал на жену и упрямылся ехать к очередной тетушке, но в глубине души обилие родственников ему нравилось. Он ни за что бы не признался, но родственников жены полюбил, как своих. Ведь кроме них родни у Эфенбаха не осталось. Вернее, путь к своим ему был закрыт. Расстояние этому не было причиной. Дело обстояло куда печальней: семья забыла и прокляла его, когда ради карьеры и службы он сменил веру. Что было тайной болью его сердца. А в радостях праздника ощущалось особенно остро. Об этом не полагалось знать никому, даже супруге. Так что Эфенбах продолжал бурчать, делать визиты и поглощать настойки.

Но и тяготам приходит конец. Утром второго января наступившего 1894 года Эфенбах твердо заявил супруге, что обязан явиться на службу: и так бессовестно прогулял четыре дня, включая тридцать первое декабря, когда обязан был заседать в кабинете. Там, чего доброго, такое могут накуролесить, что весь год не расхлебашь. Конечно, Михаил Аркадьевич лукавил. Он прекрасно знал неписанный закон Москвы: на Святки воровской мир обретал человеческое обличье. Все, кто мог, радовались и веселились. С мелкими происшествиями вроде пьяной драки или наезда саней на нетрезвого прохожего справлялись